

мии и германского народа не был сломен. Германия имела относительно надежных союзников (Италия, Румыния, Венгрия, Словакия, Хорватия, Финляндия) активно принимавших участие в достижении взаимовыгодной цели - сокрушения России. Германия имела полускрытых партнеров в лице петеновской Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Испании, Швейцарии и Швеции. Последние два суверенно-нейтральных государства, если и не послали свои вооруженные силы в Россию, то активно поддерживали агрессию дипломатией (обеспечивали контакты спецслужб) и поставками никеля с подшипниками и точными приборами.

Экономика так или иначе подчиненных Германии стран Европы работала на немецкую военную машину. Достаточно напомнить, что только промышленный комплекс чешских заводов «Шкода» выпустил военную продукцию для Германии в течение одного предвоенного года (сентябрь 1938 - сентябрь 1939 гг.), едва ли не больше, чем вся военная экономика Англии для британских вооруженных сил, запасы нефти в хранилищах поверженной Франции обеспечивали немецкую армию топливом для действий в течение трех месяцев, сельское хозяйство той же Франции и Греции - вином и фруктами всю Германию в течение войны. Только тяжелого вооружения и запасов, захваченных немцами в качестве трофеев после «странной войны» и не менее странной эвакуации 250 тыс. британцев из под Дюнкерка, хватило для укомплектования резервной армии вермахта в численности 400-500 тыс. человек. Благословенные пляжи Нормандии пока были доступны для немецких войск и рассматривались ими в качестве санатория для отдыха после «варварских условий» советско-германского фронта. Маки и сопротивление были мифом, придуманным в последствии из идеологических соображений, а 150 миллионов дееспособного населения Европы и 5 миллионов военнопленных с готовностью и послушно выполняли роль германской рабочей силы.

Очевидно здесь термин «объединенная Европа» вполне правомерен, и отметим, что это не только позволило провести тотальную мобилизацию в ряды ВС, с призывом за всю войну не менее 25% от численности населения Германии, но и позволило в 1942 году нарастить военное производство. Естественно гитлеровское руководство директивой ОКВ № 41 от 5 апреля 1941 года ставит решительные цели на летнюю кампанию - «Окончательного уничтожения еще имеющихся в распоряжении Советов сил и лишения их (Советов, - А.С.) важнейших экономических центров».

После года войны и неудачно осуществленного «порочного за-

мысла Ставки ВГК одновременно наступать и обороняться на всем фронте от Ладоги до Черного моря»¹⁾ на середину лета 1942 года обстановка для СССР была в корне противоположной. В условиях почти полного отсутствия инициативы, при угрозе нанесения нового удара с запада, с неясными стратегическими перспективами на востоке и юге, в отсутствии сколько либо ответственных союзников и партнеров, вопрос для России стоял весьма серьезно - не только выстоять, но и победить. Кроме того, при оккупации основных промышленно развитых и сельхоз благоприятных областей с 70 миллионами населения, нужно было восстанавливать практически заново военное производство на Урале, обустроить миллионы беженцев с юга России, рассчитывая только на свои силы.

Великобритания, не имея желания вести войну с Германией, была занята решением проблемы выживания метрополии путем обеспечения контроля за Северным побережьем Африки и свободы средиземноморских коммуникаций через Ливан и Суэц. Это существенно сокращало время доставки грузов из колоний в Азию и Австралию. Никакой речи не было о выполнении Англией задач большой войны на одном из европейских ТВ. Более того, в решающий период Сталинградской битвы Англией было принято решение свернуть поставки вооружения СССР северными конвоями, ввиду угрозы со стороны ВМС Германии и неоправданно больших потерь при их проводке.

США оставались верны политике «изоляционизма», суть которой соответствовала давним традициям вступления в войну «в свое время для дела трофеев», суть которой была ясно выражена в публично-личном выступлении Г.Трумена в «Нью-Йорк таймс» еще 23 июня 1941 года²⁾.

Позиция Соединенных Штатов по мнению начальника генерального штаба вермахта Ф.Гальдера в 1942 году состояла в «...утешениях и заверениях...» К этой записи с оценкой позиции США в своем дневнике от 3 июля он решительно добавляет: «Никакого действительного второго фронта не будет». И командование группы армий «Юг» в соответствии с указаниями ОКВ 17 июля начинает сосредоточение 6-ой ПА для нанесения последнего удара в направлении Сталинграда с запада, подтягивает союзников (2 венгерскую и 3 румынскую армии), а 31 июля, наращивая усилия на этом стратегическом направлении, поворотом 4-ой ТА и 8-ой итальянская армия с кавказского направления ля прорыва к городу с юго-запада и обеспечения левого фланга вновь созданной группы армий «Б». Выход на за-

падный берег реки Волги и разгром советских войск в междуречье по существу означал достижение целей войны - ликвидацию России в качестве влиятельной и реальной силы антигитлеровской коалиции³⁾.

Следует отметить, что первоначально овладение Сталинградом не ставилось в качестве главной задачи летней кампании, смысл которой заключался «в захвате областей Северного Кавказа, богатых нефтью». В ее рамках создание фронта Воронеж - Сталинград уже в последствии рассматривалось как необходимое условие «для нанесения удара на Москву летом 1943 года... после соответствующей перегруппировки войск» из под Сталинграда и Северного Кавказа. Именно так комментировал уже после войны эти события фельдмаршал Паулюс в лекции перед слушателями военной академии ННА ГДР.

Несомненно, успешное развитие операции вермахта могло бы в корне изменить ситуацию не только на советско-германском фронте, но и в мире. Здесь нет никакого преувеличения и желания конструировать пусть и сослагательную альтернативу реально сложившейся истории.

В силу неумолимого действия реальных форс-мажорных стратегических и военно-экономических обстоятельств обстановка на советско-германском фронте для Германии и Советского Союза действительно была критической. Но для Великобритании она определяла только проблему выбора, которая в условиях «активно-циничного изоляционизма» США и возможного вывода России из активных участников военных действий была бы не в состоянии вести войну с Германией и ее союзниками, «сознанием свою силу». По существу этот выбор был давно определен - «объединенная Европа». Не суть важно под чьим лидерством - Германии или США с Великобританией, но только без России.

Именно поэтому Великобритания около трех лет не вела и не стремилась вести активные военные действия против Германии. Тем более в этом не было необходимости в критический период войны, исход которой решался в сердце России, под Сталинградом.

Вопреки созданному ныне общественному мнению об активной подготовке англосаксов к войне против Германией на континенте, такое утверждение, не лишено смысла. Достаточно отметить, что еще 16 октября 1941 года премьер-министр Англии У.Черчилль по пути за океан в соответствующем письменном документе ясно дал понять, что «ни Великобритания ни США не должны принимать никакого участия в этих событиях» (речь идет о контрастности КА под

Москвой, - С.А.). Черчилль предельно четко формулирует задачи - осуществить «оккупацию французских колоний в северной Африке» и обеспечить, «если это позволит обстановка на море свободный проход через Средиземное море к Ливану и через Суэцкий канал».

Очевидно, что целью ведения реальной войны против Германии на решающем ТВ не ставилось вовсе.

Разумеется, возобновление движения через Суэцкий канал было жизненно важно для островной Великобритании, но не имело особого значения для изменения критической ситуации в пользу антигитлеровской коалиции на главном ТВ в целом. Что касается идеи «объединенной Европы», то ее смысл был предельно ясно изложен тем же Черчиллем в его октябрьском меморандуме 1942 года, то есть во время «сражения при Эль-Аламейне» и в разгар битвы за Сталинград. «Все мои помыслы обращены к Европе... Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру (как видно утверждавшуюся в то время на берегах Волги силами немецкой 6-ой армии, - С.А.) и независимость древних европейских государств». (Очевидно, тут имеются в виду не только Италия, Румыния и Венгрия, но и Германия с «доброй старой Англией», - С.А.)... Черчилль продолжает: «Я обращаю взоры к созданию объединенной Европы». И нужно полагать под эгидой англосаксов против «русского варварства».

Как видим, такая геополитическая установка не была новостью и в точности соответствовала гитлеровским замыслам. Только лидеры для «объединенной Европы» предполагались другие.

В этой связи будет уместным обратить внимание на оценку стратегической ситуации американским военным командованием, которое в лице начальника штаба армии генерала Маршалла связывало открытие второго фронта в Европе с двумя обстоятельствами: «если положение на русском фронте станет отчаянным (для кого: русских, для антигитлеровской коалиции? - С.А.) или, если положение для немцев станет критическим».

Ни того не другого по существу не случилось, и потому высадка в Нормандии состоялась только через два года, когда для англосаксов стало очевидным, что СССР и без их участия способен разгромить Германию.

Очевидно, что «критичность» этого предвидения в полной мере учитывалась когда встал вопрос о нейтрализации продвижения советских войск, «русского варварства», как можно далее на востоке. Но в октябре 1942 года «понимание проблемы» не подвигло США к активным действиям. Высадка в Сицилии состоялась лишь летом 1943 года и характеризова-